

ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА

11 ВОСКРЕСЕНЬЕ
МАРТА 1934 г.

№ 58 (3087)
Цена 10 коп.

ГАЗЕТА МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО КОМИТЕТА ВКП(б) И МОССОВЕТА

СЛУЧАЙ С КЛАССИКОМ

Недавно бесомыслие русские классики собирались на расширенный пленум. Позвали даже Державина. Речь шла о том, чтобы послать в Москву своего полномочного представителя. Пусть передаст под расписку классическое наследие прошлого и познакомится поближе с теми, кто сменил их на песенном севе «сразушного, доброго, вечного».

Выбор пал на Чехова. — Поезжайте, Антон Павлович, — договаривали его остальные классики, — вы у нас самый молодой. У вас и сейчас по Москве не мало родных и знакомых. И язык ваш теперь вполне понятен. Скорей говорите.

— Безусловно, — улыбаясь Чехов, — речь конечно обновляется, но думаю, что на языке Толстого и Горького с советскими писателями все-таки можно поговорить.

И уехал. А через несколько дней Антон Павлович уже стоял у вешалки Дома Герцена и с любопытством через пенюш рассматривал писателей, торпачившихся в горьком на какое-то заседание.

Первым узнал Чехова писатель Федор Панферов.

— А, Антон Павлович! Чего так скукожился?

— Чего? — не понял классик. — Скукожился чего, баязну? Не понимаешь или под'елдыкиваешь?

— Под'елдыкиваю, — любезно согласился Чехов, решив, что перед ним писатель какой-нибудь малой северной народности, заглохшей в его время под великодержавным прессом. — Привычка, знаете... А разрешите узнать, на каком это языке вы со мной... баязните?

Панферов криво усмехнулся.

ЛИТЕРАТУРНАЯ СКАЗОЧКА ДЛЯ ПИСАТЕЛЕЙ МЛАДШЕГО И СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

— Как на каком? На русском. Родную речь забыли, эх, Антон Павлович. Стидно! Ну, пытайся дальше, тряпачливый.

Чехов пожал плечами, посторонился, а автор «Врускова», нахмурился брови, пошел наверх. Стоявший тут же будущий классик Лев Нитобург, кивнув на уходящего писателя, заметил:

— Шалашутный табунчик лягнулся задористой фразой.

— Кто лягнулся? — недоумеваяще оглянулся Чехов, ища около себя что-нибудь вроде лошади.

— Что вы, Чехов, из себя вычкурдовываете? — обиделся Нитобург. — Окоулязило меня аж. Следовало бы оглянуть. Ишь, забуроманило всего.

— Да, да, — поддержал его тоже писатель Пермичин, — кильчак вам промежду ягодиц. Литературного языка не понимаете. А еще классик. И как это дерко у нас в классики выходит... Да обожайте, Антон Павлович. Куда вы? Нет, ты от меня не ускользнешь!

— Да я и не собираюсь... как это вы говорите... ускользнуть от вас. Меня очень интересует — вот все эти слова вы в книге тоже вставляете? — Конечно. Еще не такие вставляем. Детям показывать стыдно.

— А, вам не стыдно?

— Нам нет. Привычки. А вот Горькому за нас стыдно.

Нитобург захохотал.

— Ха-ха-ха. Велевский какой. Го-

гона, криваф, бабник, одно слово: брянский воробоса бегуныч.

Чехов посмотрел на него, как согнутый врач, когда ему в психиатрической лечебнице доставляют интересный экземпляр больного.

— Давно началось?

Окружающие неопределенно улынулись. Автор печатался давно. Сказать это было нелегко. Только Пермичин высказался.

— Саймон! непрочь под корешок оглянуть. Ишь, как дышул.

Антон Павлович вздохнул, снял пенюш, протер стекла носовым платком, снова надел их и стал медленно пятиться к лестнице. Когда он уже достиг верхней ступеньки и, вцепившись в перила, собрался бежать вниз, его настиг писатель Петр Сажин.

— Чехов, Дорогой! Классик! Собрал! На спринтерстве был? Лебедки хордыбачат?

— Не знаю, как лебедки, а писатели определенно хордыбачат.

— А знаете, у меня жаленье забралось в гости к чувству.

— Бывает. С чем вас и поздравляю.

— А спина согнулось, утаив за собой труп.

— Жалко, что она голову не утаила.

— А то вот еще...

Но Чехов уже не слышал. Антон Павлович, точно Подкозискин из «Женитьбы» его коллегия Гоголя, выскочил в окошко и, выскочив в прохлывавший мимо трамвай, помчался прочь. Явившись же на пленум бесмертных классиков, он швырнул на стол шляпу и мрачно спросил Пушкина:

— Вы, Александр Сергеевич к XVIII столетию ближе. Кто это написал такие стихи?

Всадники и лесовы,
И лесные грави
И орлы, оставив монеты
Учиняют браки.

Пушкин засмеялся: — Это писал известнейший скатерничниковый пьянта Тредьяковский.

— Ну, так пошлите представителем его. Он с Пермичиным скорей поговорится...

★

Это была сказка, а присказка вот: — Все слова, которыми говорят здесь писатели, взятые из их романов и приведены Горьким в его замечательной статье в «Литературной газете». Правда, обычно писатели мешают собой на таком языке не из'являются. Они заставляют это делать своих героев. Бедные же герои даже протестовать не могут. Мы мстим за них. Пусть авторы малых словечек почувствуют, как приятно всю жизнь под'елдыкивать. Может, их от этого окоулязят, и они перестанут вычкурдовывать, а начнут писать русским, человеческим языком.

Евг. БЕРМОНТ

Рис. М. Храпковского.